УДК 911.37

МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛАРУСИ

© 2016 г. Т.Г. Нефедова*, И.Л. Слепухина**, И. Браде**

**Институт географии РАН, Москва, Россия*

***Leibniz-Institut für Länderkunde, Leipzig, Germany*

e-mail: trenel2@yandex.ru, I_Slepukhina@ifl-leipzig.de, I_Brade@ifl-leipzig.de

Поступила в редакцию 24.06.2015 г.

Авторы анализируют эволюцию системы городского расселения на постсоветском пространстве, сравнивая ход урбанизационных процессов и изменение миграционных балансов городов разного размера, статуса и местоположения в России, Украине и Беларуси. Несмотря на различия в размерах и густоте городов, их иерархической и пространственной структуре, а также в управленческих решениях, многие тенденции изменения сети городов в этих странах оказались похожими. Рассматриваются причины различной миграционной привлекательности городов разного размера, включая их социально-экономическое состояние и степень инфраструктурного обустройства. Для рассматриваемых стран характерны сильные контрасты городского расселения при большой роли крупных и крупнейших центров и значительной доле малых городов. Во всех трех странах наблюдаются существенные различия между качеством жизни в крупных городских центрах и малых городах. Анализируется ситуация до военных событий в Украине в 2014 г. Миграции, направленные в период с 1990 по 2013 г. преимущественно из сельской местности, малых и средних городов в крупнейшие центры, подтверждают гипотезу о продолжении в России, Украине и Беларуси незавершенной в советское время урбанизации. Можно констатировать два основных пространственных направления миграций в постсоветский период: из периферии в столицы, их пригороды и в крупные города, а для России и Украины (до 2014 г.) – и с востока в центральные и южные районы.

Ключевые слова: малые, средние, крупные города, миграции, урбанизация, Россия, Украина, Беларусь, столицы стран и регионов.

После распада СССР каждое государство под влиянием новых национальных приоритетов пошло по своему пути развития, хотя общее советское наследие не могло не оказывать влияния, как и сложившаяся в советское время пространственная дифференциация внутри стран многих социально-экономических параметров. Это дало различные импульсы внутренним территориям, повлияв в целом на пространственное развитие новых государств и ход процессов урбанизации.

При смене государственного централизованного планирования на рыночные стимулы экономическая и административная значимость городов изменилась. Усилилась роль городов-лидеров, а число городов с депрессивной экономикой и оттоком населения увеличилось. На национальном уровне это отразилось в поляризации пространства.

Россия, Беларусь и Украина служат интересными примерами для анализа урбанизационных процессов и сравнения трансформации сети городов в постсоветский период, хотя таких исследований не очень много [1, 21, 25]. Россия и Украина в 1990-х годах в большей степени отказались от плановых механизмов как в социально-экономическом, так и в территориальном планировании, включая регулирование роста населения городов. После хаоса 1990-х в 2000-х годах наметились первые попытки разработки средне- и долгосрочных планов и стратегий, отвечающих новым политическим, экономическим и социальным условиям [22]. Беларусь, вначале отказавшись от советского подхода к планированию, уже в середине 1990-х годов вернулась к идеям о необходимости и эффективности централизованного планирования [4, 17]. Институциональные и эко-

номические изменения привели к трансформации сети городов почти во всех странах, при этом разные типы городов демонстрировали разные виды адаптации к новым условиям, влияющим на ход урбанизации.

Миграционные процессы как на транснациональном, так и на межрегиональном и межгородском уровнях отражают реакцию населения на эти изменения. В отличие от динамики населения, на которую влияют также его естественное движение и административные преобразования, миграции в чистом виде отражают степень аттрактивности места, во многом связанной с его социально-экономическим состоянием. В статье проверяются гипотезы о взаимосвязи миграционной привлекательности с макро- и мезоположением, размером, статусом города, спецификой национальных институтов и о влиянии трансформации сети городов на ход урбанизации в постсоветских странах.

В исследовании использованы результаты переписей населения России, Украины и Беларуси с 1959 по 2010 г., текущая статистика населения и экономики Федеральной службы государственной статистики России, Государственной службы статистики Украины и Национального статистического комитета Республики Беларусь. К сожалению, не все данные можно было получить в равных объемах для всех изучаемых стран.

Специфика городов и особенности урбанизации на европейском постсоветском пространстве. По состоянию на начало 2014 г. в России насчитывалось 1097 городов, из которых 786 сосредоточено в ее европейской части [20]. В Беларуси – 113 городов, Украине – 460 городов, которые относительно равномерно распределены по территории стран. Высокой плотностью городов выделяется Украина (8 городов на 10 000 км²). При этом уровень урбанизации у нее ниже, чем в двух других странах (рис. 1), что говорит об общей повышенной плотности заселения территории. В Беларуси плотность городов почти вдвое ниже (5 на 10 000 км²), а в России меньше на порядок – 0,6 городов, и даже в европейской части всего 2 города на 10 000 км². С Украиной сравнимы лишь Владимирская, Ивановская, Калужская и Тульская области (7–8 городов на 10 000 км²), некоторые республики Северного Кавказа и значительно более городские Калининградская и Московская области (соответственно 15 и 17 городов на 10 000 км²).

Во второй половине XX в. при росте численности населения возрастал и уровень урбанизации. В 1959 г. только в РСФСР городское население

Рис. 1. Доля городского населения в России, Украине и Беларуси в 1959–2013 гг., %.

составляло более 50%. В последние два десятилетия во всех трех странах наблюдается снижение численности населения городов в основном за счет естественной убыли населения. Уровень урбанизации в России по сравнению с 1989 г. вырос очень мало – с 73,5 до 74,2%, да и то в самые последние годы. Скорость образования новых городов явно замедлилась по сравнению с советским периодом [3]. В Украине рост также незначителен. А Беларусь за постсоветский период демонстрирует заметное увеличение доли городского населения в основном за счет миграционного притока населения в города и отчасти административных преобразований сельских поселений в городские. Для более молодых по составу населения городов Беларуси [21] характерна и меньшая естественная убыль. В результате, по доле городского населения Беларусь к 2014 г. обогнала Россию (см. рис. 1).

Особенность городских систем рассматриваемых стран состоит в наличии значительного количества малых городов с населением менее 20 тыс. человек. Их доля в общем количестве городов в России на 1 января 2014 г. составляла 39%, а всех малых городов (до 50 тыс. жителей) – достигала 71%. Наблюдается переход средних городов, теряющих население, в категорию малых, причем эти процессы были характерны и для позднесоветского времени: 679 малых городов в 1979 г., 709 – в 1989 г. и 779 – в 2014 г. (табл. 1). В Украине доля малых городов еще выше – 81%, в том числе 56% всех городов имеют менее 20 тыс. жителей. Их доля также увеличивалась. В Беларуси города с численностью населения менее 20 тыс. жителей составляют 65% от общего количества городов, хотя в них проживает всего 12% городского населения, а во всех малых городах (80% всех городов страны) – 19%. Несмотря на то, что во всех трёх странах количество малых городов в постсоветский период возросло, только в Украине значительно увеличилась доля проживающего в них городского населения – с 17,8

Таблица 1. Количество городов по категориям людности в 1989 и 2013 гг., единиц

Размер города, тыс. человек	Россия		Беларусь		Украина	
	1989 г.	2013 г.	1990 г.	2013 г.	1989 г.	2013 г.
Меньше 20	349	423	62	75	208	259
20–50	360	356	17	15	121	112
50–100	163	153	9	9	55	44
100–250	87	90	7	8	25	
250–500	44	39	5	4	15	37
500–1000	22	21	0	1	5	5
Более 1000	12	15	1	1	5	3
Всего	1037	1097	101	113	434	460

Таблица 2. Доля населения в городах разных категорий людности в 1989 и 2013 гг., %

Размер города, тыс. человек	Россия		Беларусь		Украина	
	1989 г.	2013 г.	1990 г.	2013 г.	1989 г.	2013 г.
Меньше 20	4.6	4.9	12.9	12.1	7.5	10.7
20–50	12.2	11.4	8.5	6.9	10.3	12.6
50–100	11.9	10.8	10.6	9.7	11	10.9
100–250	13.6	14.0	15.3	16.1	11.2	
250–500	16.2	13.6	27.2	20.3	14.4	31.6
500–1000	13.8	12.9	0	7.4	9.9	14.9
Более 1000	27.6	32.4	25.5	27.7	22	19.3

до 23.3% (табл. 2). Хотя в России меньше доля малых городов, их проблемы не менее, а порой более острые из-за разреженной сети городов на огромном пространстве страны.

Процессы поляризации городов, увеличение доли крупнейших центров в населении страны, наиболее ярко выражены в России¹ (см. табл. 2). Тенденции к концентрации населения в крупных центрах, особенно в 2000-е годы отмечались многими исследователями [3, 8, 11 и др.]. Число городов-миллионников к 2014 г. возросло с 12 до 15: прибавились Воронеж, Волгоград и Красноярск. В Украине, наоборот, произошло уменьшение доли численности населения в городах с населением свыше 1 млн человек, главным образом за счет того, что из-за естественной убыли и оттока населения два города-миллионника на востоке страны перешли в более низкую категорию (в Донецке уменьшилось население с 1109 тыс. человек в 1989 г. до 950 тыс. в 2013 г., в Днепрпетровске – соответственно с 1177 тыс. до 993 тыс. человек). Поэтому в категории городов

с 500–1000 тыс. человек наблюдался рост населения, несмотря на то, что из нее по тем же причинам выпали Николаев и Мариуполь.

В Беларуси возросла роль Минска. Численность его населения за период с 1970 по 2009 г. увеличилась в два раза [14]. В 2013 г. Минск (1.9 млн человек) сосредоточил 27.7% городского населения страны и в 4–5 раз превышал столицы областей². В постсоветское время в Беларуси в отличие от России и Украины были предприняты попытки регулирования роста столицы путем целенаправленного развития городов-спутников³. Заславль, Смолевичи, Логойск, Фаниполь, Дзержинск получили государственную поддержку для развития жилищного сектора, транспортной, социальной и производственной инфраструктур⁴. Их общее население составляет 170 тыс. человек. Результаты данной политики пока сложно оценивать, но проведенный анализ показал, что все близлежащие к Минску города растут темпами выше, чем в целом по стране (с 1991 г. –

¹ Изменения численности населения городов России в 2000-х годах произошли вследствие не только естественного движения и миграций населения, но и разнообразных административно-территориальных и муниципальных преобразований, в том числе образования городских округов.

² Суммарный миграционный приток в столицу достигал половины миграционного баланса страны, который за 1991–2013 гг. составил более 523 тыс. человек.

³ Указ президента Республики Беларусь от 7 мая 2014 г. № 214 “О развитии городов спутников”.

⁴ П. 1.2. указа президента № 214.

в среднем на 16%), а в лидерах находятся города Фаниполь (на 42%), который, кстати, не получил статус города-спутника, и Логойск (на 34%). При этом города-спутники Минска служат спальными районами столицы, так как значительная часть их жителей работает в столице республики [14].

Вследствие более развитой сети городов в России Москва (12.1 млн человек в 2014 г.) концентрирует меньше населения, чем Минск – 8.4% всего населения и 11.4% городского. Тем не менее вместе с городами Московской области – это уже 17% городского населения страны. Рост Москвы пытались сдерживать с 1930-х годов, с введением паспортного режима, однако это не дало ожидаемого результата. Три расширения Москвы: в 1931, 1960 и 1984–1985 гг., примерно один раз в 25–30 лет, были реакцией на рост города. В 1980-х годах обсуждались три концепции развития столицы: 1) расширение ядра; 2) создание городов-спутников; 3) линейное развитие. Победила первая, хотя один новый город-спутник – Зеленоград – был создан и впоследствии вошел в черту Москвы. В постсоветские годы 80 городов Московской области, хотя и не считались спутниками, росли опережающими темпами за счет миграций из других регионов России, что не останавливало и роста Москвы. В 2012 г. победила концепция линейного развития столицы России на юго-запад, хотя застройка продолжает расширяться по типу масляного пятна [6].

Роль Киева (2.84 млн человек в 2013 г.) из-за повышенной плотности населения и городов в Украине меньше, чем у белорусской и российской столиц (6.2% всего населения и 9% городского), но его население также растет. Выросли и некоторые города Киевской области: Славутич (в два раза), Вышгород, Борисполь, Бровары.

Городские системы трех стран не являются замкнутыми, тем не менее их сравнение после 24 лет раздельного развития представляет интерес. Абсолютное лидерство Москвы и Санкт-Петербурга нарушает распределение городов России по правилу Ципфа (в логарифмических координатах это прямая под углом 45°). Оба города выделяются очень сильно даже на фоне остальных центров-миллионников (рис. 2). Тем не менее пологость логарифмической кривой говорит о полицентризме российской городской сети. В Украине верхние этажи Ципфа выдержаны более жестко: Харьков вдвое меньше Киева. Но крупнейших центров не хватает, хотя Одесса, Харьков и Донецк до кризиса, несмотря на потери населения двумя последними, почти “приблизились” к российской кривой. А дальше – более крутое

Рис. 2. Иерархия 50 крупнейших по людности городов России, Украины и Беларуси в 2013 г.; логарифмическая шкала, тыс. человек.

падение численности населения организующих пространство центров. В Беларуси второй уровень центров явно слаб (310–484 тыс. жителей), а численность населения остальных падает еще более резко, чем в Украине.

Согласно теории дифференциальной урбанизации [23, 24, 26] начальную стадию урбанизации отличает быстрый рост больших городов не только за счет сельского населения, но и за счет миграционного притока из малых и средних городов. На зрелой стадии рост крупных городов максимален, а средние начинают догонять лидеров. Конец урбанизации характеризуется так называемым поляризационным разворотом, при котором наиболее аттрактивны средние города и постепенно увеличивается привлекательность малых. И, наконец, контр- или дезурбанизация характеризуется ростом привлекательности малых поселений (городских и сельских), куда устремляются мигранты из больших городов.

В целом можно предположить, что урбанизация во всех трех странах не завершена. Наиболее привлекательными остаются большие города, хотя перед началом 1990-х годов Россия находилась на более поздних стадиях урбанизации, чем Украина и Беларусь, и, казалось, была готова к поляризационному развороту [11]. При этом различия внутри стран велики. Пристоличные районы (Московская, Киевская, Минская агломерации) явно опережали другие регионы по аттрактивности городов, а многие окраинные регионы отставали. Крупные центры все еще обладают гораздо большими возможностями и для заработка, и для самореализации населения, хотя и имеют множество недостатков. Привлекательность больших, а особенно крупных и крупнейших городов в постсоветские годы усиливалась в связи с кризисом градообразующих предприятий

во многих средних и малых городах, финансово-бюджетными отношениями, инфраструктурной необустроенностью деревни и малых городов, особенно характерной для России и Украины.

Социально-экономическое развитие городов и их миграционная привлекательность. Для понимания факторов, привлекающих в города или выталкивающих из них мигрантов, могут быть использованы некоторые индикаторы, набор которых ограничен доступной информацией [12]: инвестиции на душу населения; доля не занятых в экономике в общей численности экономически активного населения; доходы населения; розничный товарооборот, общественное питание и платные услуги на душу населения; обеспеченность жилищного фонда водопроводом и канализацией. Наибольшие доходы и наиболее активный торговый оборот на душу населения характерен для крупных центров с развитой сферой услуг (рис. 3). Для них характерна и большая площадь вводимого жилья на душу населения. Хотя в России по вводу жилья Москву с 2004 г. обгоняет Московская область, доля москвичей в приобретаемом жилье в Подмоскovie составляет лишь 15%, причем в последние годы обозначилась тенденция к покупке москвичами квартир в многоэтажных домах в ближайших пригородах из-за дороговизны московских квартир. Более трети жилья в Московской области покупают приезжие из других регионов и стран, остальное – жители Московской области [7]. Все эти процессы трудно назвать классической субурбанизацией.

Занятость населения также связана с размерами городов. При анализе даже сильно заниженных официальных данных видно, что зарплаты населения в среднем сокращаются с уменьшением размера города, а доля незанятого трудоспособного населения возрастает. В малых городах, особенно с населением менее 20 тыс. жителей,

во всех трёх странах образ жизни и характер занятий приближается к сельскому. Тем не менее местоположение города важно: средние и даже малые города вблизи крупнейших центров, как было отмечено выше, имеют лучшие показатели, чем удаленные.

По объему инвестиций в экономику городов в сложном положении оказались многие города Беларуси и Украины, поскольку их предприятия, как в малых, так и в крупных городах, были технологически тесно связаны с российскими, и разрыв экономических связей привел к кризису целых районов, особенно на востоке Украины [16]. Тем не менее размер городов также имеет значение; большинство стагнирующих или депрессивных городов с отсутствием инвестиций – это города малые и монофункциональные. Для всех трех стран характерны общие тенденции развития экономики городов – наиболее успешны крупные центры без отягчающих устаревших производств; города (в том числе малые) в пределах агломераций; энергетические центры; города, привлечшие иностранные инвестиции [12, 16]. Кроме того, в последние годы мигранты активнее пополняют города, расположенные в регионах с наиболее плотным сельским населением на юге России, в Украине и в некоторых районах Беларуси, что также говорит о недоурбанизированности стран.

Бытовая необустроенность городов и сельской местности служит дополнительным фактором, выталкивающим население. Чем город крупнее, тем, как правило, лучше выражены и его городское обустройство, включая бытовые условия: наличие водопровода, канализации, ванны (рис. 4), обеспеченность социальными услугами и т.п., и тем более привлекателен он для мигрантов. Эта тенденция как результат советского наследия также прослеживается во всех рассматриваемых

Рис. 3. Оборот розничной торговли и общественного питания на душу населения в городах России и Украины с разной численностью населения (тыс. человек) в 2010 г., долл. США.

Рис. 4. Обеспеченность канализацией и водопроводом жилого фонда городов разного размера (тыс. человек) в России и Украине, 2010 г., %.

странах; исключения составляют новые центры энергетики, небольшие наукограды и т. п.

В Беларуси в 2000-х годах делались попытки затормозить отток в большие города с помощью специальных программ “Возрождение и развитие села”, “Развитие регионов, малых и средних городских поселений”, в которые закладываются не только меры, способствующие повышению доходов населения, но и развитие жилищного строительства, коммунального обслуживания, газификации, водоснабжения, модернизация дорог и транспортного обеспечения, развитие образования, здравоохранения, спорта [13]. Предложен качественно новый тип поселений – агрогородки, в которых предусматривается создание производственной и социальной инфраструктуры для обеспечения необходимых социальных стандартов. В России реальная помощь оказывалась сельскому хозяйству и в меньшей степени сельской местности в рамках Национального проекта развития АПК и соответствующих региональных программ, например, в Белгородской области [18]. Но значительная часть малых городов, особенно в Нечерноземье и Сибири, продолжает оставаться без газа, водопровода, с плохим состоянием дорог вне поля зрения властей.

Изменение суммарного миграционного баланса городов с 1991 по 2013 г. В 1970–1980-х годах мигранты из всех регионов СССР пополняли все города, но преимущественно большие (свыше 100 тыс. человек) и особенно столицы регионов, что соответствовало классической стадии урбанизации. Реакция на кризис и преобразования после обретения самостоятельности в странах различалась. В России в 1991 г. крупнейшие центры, включая Москву и Санкт-Петербург, в условиях дефицита продовольствия, безденежья и инфляции резко снизили привлекательность (рис. 5А). Однако отрицательные балансы миграций в начале 1990-х

годов, связаны, скорее, с их недоучетом, чем с реальным массовым оттоком населения [8]. К концу 1990-х годов положительный миграционный баланс крупнейших центров России восстановился, хотя в начале 2000-х наиболее привлекательной была Москва. Однако к концу 2000-х годов все более явным становится опережающий миграционный прирост населения в столицах субъектов РФ. Это связано не только с уменьшением привлекательности Москвы (хотя статистика и сейчас страдает сильным недоучетом миграций в столицу), но и с подорожанием в ней жилья и частичным замещением миграций на постоянное место жительства возвратными трудовыми миграциями населения [9]. Уменьшение официальной подвижности населения в России в начале 2000-х годов отчасти связано с сокращением притока мигрантов извне, а отчасти – с изменением характера учета мигрантов [8].

Малые и средние российские города России в первой половине 1990-х годов не уступали по привлекательности крупным за счет русских репатриантов из Казахстана, среднеазиатских и других республик (рис. 5Б). Главным для приезжих было дешевое жилье и вообще его достижимость. На рубеже веков все более важной становится работа, которую можно было найти в крупных центрах. Наиболее уязвимыми в 2000-х годах становятся города с населением менее 20 тыс. жителей, в то время как малые города от 20 до 50 тысяч жителей в целом держались до 2009 г., пополняясь сельским населением. Сейчас ресурсы для пополнения малых и средних городов в большинстве регионов России, кроме Юга, истощились. Лишь города в зонах влияния крупнейших центров, как малые, так и средние, сохраняли признаки стабильности [3, 12].

Реакция Минска на кризис в начале 1990-х годов была не столь сильной, как Москвы и Санкт-

Рис. 5. Изменение суммарного миграционного баланса крупных и больших (А), средних и малых (Б) городов России с 1991 по 2011 г. по трехлетиям, тыс. человек.

Рис. 6. Изменение суммарного миграционного баланса крупных и больших (А), средних и малых (Б) городов Беларуси с 1994 по 2013 г. по трехлетиям, тыс. человек.

Петербурга. Наибольший отток из малых и даже средних городов Беларуси был характерен для середины 2000-х годов, с 2010 г. миграционный баланс в средних городах стал положительным, в том числе за счет усилившегося притока в города населения из все еще полнокровной, в отличие от России, сельской местности (рис. 6).

По Украине не удалось получить данные о миграционных балансах городов в 1990-х годах. В 2000-х наиболее привлекательным для мигрантов был Киев, но к 2012 г. он тоже уступил первенство некоторым региональным столицам.

В Украине, как и в России, в начале 1990-х годов произошло увеличение миграционного прироста за счет внешней миграции с последующим ее спадом и усилением внутренней миграции. Потери населения в малых и средних городах Украины происходили не только из-за его концентрации в крупных центрах, но и в результате оттока населения в другие страны, в том числе в Россию и

Беларусь. С 2005 г. внешний положительный миграционный баланс восстановился, однако в 2000-х годах значительные потоки формировали трудовые мигранты как внутри страны, так и в другие страны. Масштабы международных трудовых миграций жителей Украины на середину 2000-х годов оценивались от 2 до 6 млн человек: 40–50% направлялось в Россию, 15–20% – Польшу, по 10% – Чехию и Италию, 5–8% – Португалию; большая часть работала за границей нелегально [1, 15]. По оценкам, суммарный объем средств, которые зарабатывали украинские трудовые мигранты, составлял 7–11% ВВП Украины [Там же].

Увеличение миграционного баланса крупнейших городов также подтверждает гипотезу, что урбанизация во всех трех странах не завершена. Если рассчитать не общие потоки мигрантов, а миграционный баланс населения, приезжающего в последние годы на постоянное место жительства, на 1000 жителей, что возможно сде-

Рис. 7. Миграционные балансы городов разного размера России, Украины и Беларуси в 2009–2012 (2013) гг. на 1000 жителей, человек в год.

Рис. 8. Суммарный миграционный баланс городов России (1991–2011 гг.), Украины (2003–2012 гг.) и Беларуси (1994–2012 гг.) по макрорегионам, тыс. человек.

для трёх стран только за последние годы, то картина будет еще более явной (рис. 7). При этом относительная миграционная подвижность белорусского населения и его отток из малых городов в Минск и областные столицы в конце 2000-х годов были наиболее высокими. В России все больше усиливается отток из малых городов и увеличивается привлекательность крупнейших центров с населением свыше 250 тыс. человек, а особенно,

городов с более чем миллионным населением. Население Украины до 2014 г. в сравнении с соседями было менее подвижно, хотя постоянным аттрактором в большей или меньшей степени также оставались города-миллионники, прежде всего Киев (см. рис. 7).

Изменение миграционных балансов в макрорегионах России, Украины и Беларуси. Для того чтобы понять, как менялись в пространстве

потоки мигрантов в города на постоянное место жительства, потребовалось сгруппировать регионы внутри стран в несколько макрорегионов с разными направлениями миграций.

Территорию Украины по разнонаправленности миграционных потоков внутри страны и на основе сформировавшихся межрегиональных центров расселения (Киев, Львов, Одесса, Харьков, Днепропетровск, Донецк) можно разделить на шесть макрорегионов [16]: центральный (столичный), западный, южный, центрально-восточный, северо-восточный и восточный (рис. 8). Население распределено между ними относительно равномерно. При этом центральный макрорегион обладает максимальной миграционной привлекательностью. К сожалению, показатели по Украине сильно занижены, так как рассматривался только период с 2003 г.

Минск, расположенный в центре страны, также стягивает население со всех регионов (см. рис. 8). Анализ городского расселения в Беларуси принято проводить в разрезе шести административных областей [14]. Во всех регионах население концентрировали областные центры. В Минской области даже малые города были привлекательными. В последние годы наблюдается увеличение потока мигрантов на постоянное место жительства в региональные столицы. Восточные Витебская и Могилевская области характеризуются большим количеством малых городов (в Могилевской вообще отсутствуют средние города), которые потеряли значительную часть населения за счет концентрации в крупных промышленных центрах: Витебске, Новополоцке, Орше, Могилеве и Бобруйске. Тем не менее в отличие от России и Украины здесь нет регионов с отрицательным миграционным балансом за весь период.

В России можно выделить несколько макрорегионов [9]: Европейский Север; Нечерноземье (без Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области); Московский столичный регион и Санкт-Петербург; Среднее Поволжье и Урал; Юг Европейской России; Юг Западной Сибири; Юг Восточной Сибири и Дальнего Востока; Северо-Восток. Хотя три четверти городского населения России живет в четырех макрорегионах: в Нечерноземье с Москвой и Санкт-Петербургом, в Среднем Поволжье, на Урале и на Европейском Юге, именно они в последние 20 лет стали местом притяжения населения в города (см. рис. 8), несмотря на усиление сырьевой ориентации экономики страны в целом.

На Европейском Севере в 1990-х годах все города отдавали население, а общие потери городского населения составили за 20 лет более 10%. В Нечерноземье наиболее привлекательными

были столичные регионы. При этом население Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области только за счет миграций увеличилось почти на 2 млн человек, или на 8%. В максимальном выигрыше в итоге оказались также города с населением 250–500 тыс. жителей, хотя в 1990-х годах прибавку получили средние и даже малые города с населением 20–50 тыс. В Среднем Поволжье и на Урале в 2000-х годах население все больше привлекают города с населением свыше 500 тыс. жителей. Городское пространство стало меняться в сторону гораздо более резкой поляризации. На Юге Европейской России почти все города привлекали население, но с конца 2000-х годов из малых городов начался отток. Миграционное пространство в Западной и Восточной Сибири очень контрастно. В 1990-х годах даже крупнейшие центры в русле общего “западного дрейфа” миграций в России [2] теряли население. Но в 2000-х именно они оставались местами притяжения для своего населения и мигрантов из стран СНГ. На юге Дальнего Востока ситуация еще более контрастная. Только столицы регионов были и остаются привлекательными для населения. На северо-востоке страны население теряли практически все города, а общие потери городского населения этого макрорегиона достигли 20%.

В целом все три государства демонстрировали в постсоветский период западное направление миграционных потоков внутри своих стран. Наиболее явным оно было в России с ее огромным пространством. В 2000-х годах миграционные потоки все более заметно приобретали направление из периферийных районов в центры – большей привлекательностью обладали столицы государств и регионов.

Основные выводы. Несмотря на то, что для трех стран характерны большие различия в размерах и плотности городов, их иерархической и пространственной структурах, а также в управленческих решениях по регулированию экономики и городского развития, многие тенденции изменений в сети городов оказались похожими.

Для рассматриваемых стран характерны сильные контрасты городского расселения при большой роли крупных и крупнейших центров и значительной доле малых городов. Во всех трех странах наблюдаются существенные различия между качеством жизни в крупных городских центрах и малых городах, так как именно первые предлагают более высокий уровень жизни, лучшее бытовое обустройство и возможности самореализации. Это делает крупнейшие города, особенно столицы стран (Москва, Киев, Минск) и их регио-

ны, наиболее привлекательными и пролонгирует урбанизацию.

Миграционная аттрактивность может служить лишь косвенным показателем состояния городов и их изменения, тем не менее она может использоваться в качестве одного из индикаторов для анализа трансформации постсоветского городского пространства.

Во всех трёх странах миграционные потоки направлены преимущественно из сельской местности, малых и средних городов в крупнейшие центры, рост которых невозможно сдерживать. Это подтверждает гипотезу о продолжении в России, Украине и Беларуси незавершенной в советское время урбанизации.

Проведенный анализ показал, что в течение всего постсоветского периода можно констатировать два основных пространственных направления миграций из периферии: в столицы, их пригороды и в крупные города, а для России и Украины (до 2014 г.) – с востока в центральные и южные районы. Везде происходила концентрация населения в районах с относительно большой численностью и плотностью горожан. Однако последствия этих процессов для разных стран были неодинаковы. В Украине перемещение населения из перегруженных промышленностью восточных городов приводило к более равномерному его распределению. Там также отмечалось стремительное сокращение сельского населения и его переезд в города, что уже привело к демографической деградации сельской местности ряда регионов страны [5]. В Беларуси превалирование Минска, который сконцентрировал более половины республиканских миграционных потоков, уже вызывает опасения, хотя из-за специфики урбанизации и аграрной политики государства сельская местность остается еще жизнеспособной. В России стягивание населения в бурно растущую Московскую агломерацию и крупные центры началось раньше и сопровождалось опустошением огромных сравнительно с двумя другими странами малонаселенных территорий и более сильной поляризацией социально-экономического пространства страны.

До 2014 г. главным ограничителем роста столиц стран и регионов были не административные, как в советское время, а экономические факторы, в том числе дороговизна жилья и жизни в крупнейших центрах [6]. Это способствовало росту пригородов столиц. Однако назвать эти процессы классической субурбанизацией было бы сложно. Наиболее мощный поток идет не из главных городов на постоянное место жительства в сельскую

местность, а из периферии в центры, оседая у их границ. Этому способствует и расширение городской многоэтажной застройки за пределы официальных границ городов, особенно в Москве, и формирование в ближайших пригородах столицы типично городских многоэтажных спальных районов. Тем не менее расползание всех трех столиц на окраины и за пределы города в виде одноэтажной застройки также имеет место, хотя значительная часть пригородного жилья используется как дачи [10].

В целом направленность миграционных потоков в крупные города делает постсоветское пространство, в отличие от советского, более очаговым. Увеличивается роль социально-экономического положения городов. Более явно прослеживаются тенденции формирования “урбанизационно-коммуникационного” каркаса, в том числе в зонах трансевропейских коридоров во всех странах.

Современный кризис и военные действия на востоке Украины, массовое бегство населения городов, включая Донецк и Луганск, в Россию и в другие районы Украины, в том числе к родственникам в сельскую местность нарушило ход рассмотренных выше процессов. В России также возможны изменения в связи с санкциями и усиливающимся экономическим кризисом. В тяжелые времена городское население всегда выживало с помощью огородов у деревенских родственников или на дачах. Однако, как показывает опыт предыдущих кризисов, объективный ход процесса восстанавливается довольно быстро, что делает его анализ актуальным.

Благодарность. Работа выполнена в рамках совместного проекта с Институтом страноведения им. Лейбница (г. Лейпциг, Германия) “Urban Reconfiguration in Post-Soviet Space” и проекта 3.4 “Трансформация населенного пространства России” Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие”, разрабатываемого в Институте географии РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вардомский Л.Б. Демографические и социальные проблемы новых независимых государств // Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития / Под общ. ред. Л.Б. Вардомского. М.: Институт экономики РАН, 2012. С. 32–38.
2. Зайончковская Ж.А. Федеральные округа на миграционной карте России // Регион: экономика и социология. 2012. № 3. С. 3–18.

3. *Карачурина Л.Б.* Демографические трансформации городов постсоветской России // Региональные исследования. 2013. № 3. С. 23–36.
4. *Лавринович И.С., Власюк Н. Н.* Обзор существующей ситуации и изменений городских систем расселения в республике Беларусь // Матер. междунар. проекта “Urban Reconfiguration in Post-Soviet Space”, 2014.
5. *Либанова Э.М.* Продолжительность жизни населения Украины: анализ прошлого, оценка настоящего и прогноз будущего // Демоскоп-Weekly, 2010. № 405–406. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0405/analit03.php>
6. *Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Москва: мегаполис? агломерация? мегалополис? // Демоскоп Weekly. 2012. № 517–518. <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/index.php>
7. *Махрова А.Г., Кириллов П.Л.* “Жилищная проекция” современной российской урбанизации // Региональные исследования. 2014. № 4. С. 134–144.
8. *Мкртчян Н.В.* Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центр-периферийных отношений // Науч. тр. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 416–430.
9. *Нефедова Т.Г.* Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 3. С. 41–56.
10. *Нефедова Т.Г., Савчук И.Г.* Второе загородное жилье горожан в России и Украине. Эволюция дач и тренды их современных изменений // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 39–47.
11. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Теория “дифференциальной урбанизации” и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков / Отв. ред. А.Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.
12. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42–57.
13. *Петракова Ю.Н.* Миграция в Беларуси // Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси / ред. Палади Г.А., Шахотько Л.П., Гагауз О.Е. Кишинев: Штиинца, 2010. С. 246–270.
14. *Пирожник И.И., Антипова Е.А.* Пространственная структура городского расселения и характер урбанизации Беларуси в условиях глобализации // Региональные исследования. 2013. № 2. С. 82–93.
15. *Позняк А.В.* Современная миграционная ситуация и проблемы формирования миграционной политики в Украине // Демоскоп-Weekly. 2007. № 285–286. <http://demoscope.ru/weekly/2007/0285/analit07.php>
16. Изменение городского пространства в Украине / под ред. Руденко Л.Г. Киев: Реферат, 2013. 160 с.
17. *Соловьева В.А.* Обзор территориального и городского планирования в республике Беларусь // Матер. междунар. проекта “Urban Reconfiguration in Post-Soviet Space”, 2015.
18. *Фадеева О.П.* Социально-экономический потенциал сельской многоукладности (на примере Белгородской области) // Регион: экономика и социология. 2012. № 4. С. 139–160.
19. Численность населения РСФСР по городам, рабочим поселкам и районам на 1 января 1990 г. М.: Госкомстат РСФСР, 1990.
20. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2014 г. М.: ФСГС, 2014.
21. *Щербакова Е.* Городское население СНГ // Демоскоп-Weekly. 2013. № 575–576. 2013. <http://demoscope.ru/weekly/2013/0575/barom01.php>
22. *Axenov K., Brade I., and Bondarchuk E.* The Transformation of Urban Space in Post-Soviet Russia. Routledge, 2006.
23. *Geyer H.S. and Kontuly T.A* Theoretical Foundation of the Concept of Differential Urbanization // International Regional Science Review. 1993. Vol. 15. No. 3. P. 157–177.
24. *Fielding A.J.* Migration and Urbanization in Western Europe Since 1950 // The Geographical Journal. 1989. Vol. 155. No. 1. P. 60–69.
25. *Karachurina L. and Mkrtychyan N.* Population Change in the Regional Centers and Internal Periphery of the Regions in Russia, Ukraine and Belarus over the Period of 1990–2000s // Bulletin of Geography. Socio-economic Series. No. 28 / Szymańska, D., Chodkowska-Miszczuk, J. (Eds.). Toruń: Nicolaus Copernicus University, 2015. P. 91–111. <http://dx.doi.org/10.1515/bog-2015-0018>
26. *Richardson H.W.* Polarization Reversal in Developing Countries // Papers of the Regional Science Association. 1980. No. 45. P. 67–85.

Migration Attractiveness of Cities in the Post-Soviet Space: A Case Study of Russia, Ukraine and Belarus

T.G. Nefedova*, I.L. Slepukhina, I. Brade****

**Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

***Leibniz Institute for Regional Geography, Leipzig, Germany*

e-mail: trenel2@yandex.ru, I_Slepukhina@ifl-leipzig.de, I_Brade@ifl-leipzig.de

The authors analyze the evolution of the system of urban settlement pattern in the post-Soviet space, comparing the consecution of urbanization processes and the change of migration balances in cities of different size, status and location in Russia, Ukraine and Belarus. Despite the differences in size and density of cities, their spatial and hierarchical structure, as well as in management decisions, many trends of changing the network of cities in these countries were similar. The causes of different migration attractiveness of cities of different size, including their socioeconomic state and the degree of infrastructure development are considered. For countries under review, strong contrasts of urban settlement pattern with a large role of big centers and a high percentage of small towns are typical. In all three countries there are significant differences between the quality of life in large urban centers and small towns. The authors analyze the situation before the war in Ukraine in 2014. Migration, directed in the period from 1990 to 2013, mainly from rural areas, small and medium-sized cities to the largest centers, confirm the hypothesis about the continuation in Russia, Ukraine and Belarus unfinished in the Soviet time urbanization. It is possible to ascertain two main spatial directions of migration in the post-Soviet period: from periphery to the capitals, their suburbs and in major cities, and for Russia and Ukraine (until 2014) – from the East to the Central and Southern areas.

doi: 10.15356/0373-2444-2016-2-27-38